

синодик XVII в., в котором был записан „род донского атамана Наума Васильева“,¹ действующего в Поэтической повести.

Итак, разновременную, но однотипную судьбу многих казаков автор наш эпически обобщил на всех „осадных сидельцев“ — „перераненых“, „старцев увечных“, для которых обычный казачий исход в таком положении и был — монастырь. Толчком к такой замене данного Войском во время осады обещания построить церковь на обещание его построить монастырь и постричься в нем послужила для автора, видимо, не только тесная связь Войска с его монастырями как с приютом казаков, с которых „промысла и боя уже не будет“, но и традиционность такого именно конца повествования о жизненном пути „молодца“ или богатыря в литературе и в фольклоре. Напомним замечательную повесть о Горе-Злочастии и народные песни о горе или былины, например, старую запись-обработку одной из них, где богатырь после победы над „царем Бахметом“ отказывается от всех наград и просит князя Владимира: „пожалуй, государь, отпусти ты меня... в монастырь постригца“. Он осуществляет свое желание: „постригся в монашеский чин, и стал в том монастыре жить в великой славе и чести до смерти своей“.²

В отписке своей об азовской победе Войско видело для себя только один исход в двух возможных случаях. Если царь не примет Азов, то „им то место покинуть... бресть всем будем розно по старым своим юртам“. Если же примет и пришлет своего „воеводу с ратными людьми“, то и в этом случае „изволил бы, государь, итти (казакам, — А. Р.) жить по старым своим юртам“.³ Так же и в такой же последовательности дается решение Войска и в Поэтической повести: оно в обоих случаях покинет город, но только здесь казаки хотят итти не по „старым юртам“, а согласно „обещанию“ в монастырь.

Первую возможность — что царь велит принять у них в свою „вотчину Азов град“, а они постригутся, — мы уже проследили. А вот и второй вариант: „А будь государь нас, холопей своих далних, [не] пожалует, не велит у нас принят с рукъ наших Азова града, заплакав нам ево покинути“. Как много непосредственной безысходной горечи в этих словах о городе, за который казаки столько голов своих положили, сколько в стенах его „камения“. И тогда, продолжают герои, „подыметь мы, грешные, икону Предтечеву да пойдем с нимъ, светомъ, гдѣ нам онъ вѣлить...“ (л. 45 об.). И действительно, впоследствии, после приказа царя „Азов покинуть“, казаки не допустили, чтобы их „помощники“ опять пошли „в руки бусурманские“. Наряду с вооружением, они и „образ де Ивана Предтечи, и иные образы... вывезли (из Азова, — А. Р.) в Махин же остров и устроили часовню“.⁴ Позднее, в 1650 г.,

¹ Л. М. Савелов. Борщевский монастырь..., стр. 45.

² Русские былины старой и новой записи..., стр. 67.

³ Турецкие дела, № 1, л. 7—8.

⁴ Донские дела, кн. II, стб. 336.